

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ КАК ОБРАЗЕЦ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. А. Чибиров

Статья посвящена анализу достижений Е. Г. Пчелиной в исследовании археологии, истории и этнографии осетинского народа — ею собран и изучен богатейший фольклорно-этнографический материал, явившийся результатом предпринятых экспедиционных поездок по горной зоне Северной и Южной Осетии. Труды ученой представляют собой образцы междисциплинарных исследований, написанных на стыке смежных дисциплин: археологии, истории, этнографии, фольклора. Ее перу принадлежат такие работы, как «Нузальская часовня», «Погребальные комплексы из Сохты, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии» и др., в которых фольклорно-этнографические параллели к выявленным ею же в горной Осетии археологическим артефактам позволили расширить имевшиеся представления о малоизученных этапах средневековой истории осетин. На основе полевых этнографических изысканий Е. Г. Пчелиной написаны труды («Обряд гостеприимства у осетин», «Родильные обычаи у осетин», «Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии», «Осетинская мельница «Къада куырой»», и др.), вошедшие в золотой фонд этнографического осетиноведения. Остается лишь сожалеть, что значительная часть ее рукописных работ все еще недоступна для научной общественности.

Ключевые слова: Южная Осетия, Северная Осетия, этногенез, осетины, междисциплинарный подход, археология, этнография, история, фольклористика.

The article discusses the legacy of E. G. Pchelina who has extensively researched archaeology, history and ethnography of the Ossetian people. As a result of the expeditions to the mountains of North and South Ossetia she collected and studied rich data on ethnography and folklore. The works of this scientist are synthesizing related subjects: archeology, history, ethnography, folklore and serve an example of interdisciplinary researches. E. G. Pchelina is the author of such books as «The Nuzal chapel», «Funeral complexes from Sokht, Ursdzuar and Ruk in South Ossetia», and others, which allowed to expand yet little studied stages of the medieval history of the Ossetian people due to the folklore and ethnographic parallels to the archaeological artifacts undigged in the mountains of Ossetia. E. G. Pchelina's works written on the basis of field ethnographic investigations («A hospitality ceremony among Ossetians», «Maternity customs among Ossetians», «House and homestead in a mountainous band of South Ossetia», «The Ossetian mill of K'ada kuyroy», etc.) are included in the golden fund of ethnographic Ossetian studies. It is regretful that major part of her manuscripts is still inaccessible for the scientific studies.

Keywords: South Ossetia, North Ossetia, ethnogenesis, Ossetians, interdisciplinary approach, archaeology, ethnography, history, folklore studies.

К числу ученых, заслуживающих особое уважение осетинского народа, относятся и известный историк-кавказовед Евгения Георгиевна Пчелина.

Родилась Евгения Георгиевна в Кутаиси, в декабре 1895 г. В 1914 г. она окончила Московский археологический институт, в 1921 г. — юридический факультет 1-го Московского университета и в 1924 г. — экономический факультет Тбилисского политехнического института. Но жизнь ее сложилась таким образом, что все перевесила историческая наука. Пчелина работала в научных институтах Москвы и Ленинграда, тесно сотрудничала с научно-исследовательскими институтами Северной и Южной Осетии. Евгения Георгиевна родилась в Грузии, а по матери была абхазка, но судьбе было угодно (к счастью для осетинского

народа), чтобы всю свою творческую энергию и научную эрудицию она направила на изучение археологии, истории и этнографии осетин. В 1972 г. Евгении Георгиевны не стало.

Будучи ученым-практиком широкого диапазона, Пчелина проводила археологические исследования в разных районах Северного Кавказа и Закавказья. Однако центральное место в ее полевых работах занимал, как образно выразился доктор исторических наук В. П. Любин, «Осетинский» Кавказ, т.е. его центральная часть. Заслуги Е. Г. Пчелиной в историческом осетиноведении весьма значительны. До середины 20-х гг. XX в. сбор археологического материала в Южной Осетии — на территории, богатой древними памятниками, — проходил беспорядочно, без должного до-

кументирования. Как и в случае с печально известным Хабошем Кануковым, многие археологические шедевры из Южной Осетии оказались расхищенными, проданными за границу. Пчелина оказалась первым профессиональным археологом, проводившим тщательное изучение прошлого Осетии; она совершила многократные (1924-1931, 1934-1936; 1938-1939) археологические разведки и раскопки в обеих ее частях, результаты которых нашли отражение в фундаментальных научных исследованиях.

С 1926 по 1931 гг., по заданию дирекции Юго-Осетинского научно-исследовательского института, Пчелиной была проведена большая работа по сбору и изучению памятников материальной культуры на территории Юго-Осетии. В соответствии с заданием, «она обошла все районы Южной Осетии, собрала значительный материал по древней металлургии и металлообработке и впервые составила археологическую карту области» [1, 17].

Еще более масштабную археологическую работу Пчелина провела в ущельях Северной Осетии, уделив особое внимание Алагирскому ущелью, которое В. Пфаф справедливо окрестил «колыбелью осетинской народности». Своими работами, посвященными прошлому этого ущелья, Евгения Георгиевна подтвердила правильность изречения своего предшественника и коллеги.

В первую очередь это касается ее изучения знаменитой Нузальской часовни, которой было посвящено множество исследований других ученых, среди которых Вахушти, Уварова, Бакрадзе, Пфаф, Миллер. Однако более обстоятельно часовня была исследована Евгенией Георгиевной. По ее мнению, Нузальская часовня является «ценнейшим памятником мирового значения», представляя собой «единственный памятник осетинской истории XII — XIII веков и ее осетинско-грузинских взаимоотношений» [2, 28].

В работе, посвященной Нузальской часовне, поднимаются вопросы, которые по настоящее время вызывают живейший интерес исследователей. По-прежнему не

ослабевает интерес к надписям на стене Нузальской часовни, выполненным на грузинском языке. Ниже воспроизводится их перевод на русский язык, впервые опубликованный в 1830 г. М. Броссе: «Нас было девять братьев Чарджанидзе, Чарджилановых, овсетин: Давид Сослан, с четырьмя царствами борющийся, Пидарос, Джадарос, Сокур и Георгий, грозно встречавшие врага, трое из них — братья Исаак, Романоз и Василий — стали верными рабами Христа. Мы охраняем узкие дороги, приходящие из четырех углов. В Касарах я имею замок и таможенную заставу и здесь охраняю двери Хиди (моста); верую в загробную жизнь, в сем мире прочностью золотосной земли и подобной серебряной воде много имею; Кавказ я покорил, с четырьмя царствами боролся и похитил сестру грузинского царя, следуя нашему обычаю, он догнал меня, изменил клятвенно, и грех мой принял на себя. Богатар отдан был течению воды, войско же овсетин истреблено. Кто из вас увидит этот стих, малостью пусть скажет поминание» (цит. по: [3, 20, 43-44]).

Исследованиями Пчелиной убедительно доказано, что надписи под фигурами на фресках Нузальской часовни содержат известные по грузинской официальной летописной версии и по «Истории» царевича Вахушти имена предков Давида-Сослана — Атона и Джадароса [2, 19]. Пчелина подчеркивает уникальность Нузальских надписей, являющихся единственным памятником фресковой живописи XIII в. на территории Осетии.

В поисках объяснений появления письменного памятника археолог графиня П. С. Уварова первая обратила внимание на то, что надпись сделана позже времени строительства часовни [4, 43]. Пчелина разделяет ее мнение: надпись выполнена совершенно неосведомленным человеком — не выдержана хронология, нет логики в рассуждениях, в предлагаемых родственных узлах. Евгения Георгиевна с недоумением пишет: «Как Осигаатар, живший в V веке, мог быть братом Давида-Сослана, жившего в конце XII — нач. XIII века, и как

Давид-Сослан мог быть братом Джадаросу, обозначенных в грузинской родословной в качестве отца и сына? Зачем под именем Чарджанидзе скрывается колено Царазонта, Чархилановых — Цахилте, производящих свой род от единого предка Особагата V в.» [2, 23].

Но анализ многочисленных источников все же позволил ей найти ответы на поставленные вопросы. По ее мнению, после гибели Давида-Сослана под Карсом тело его поместили в построенном для него склепе в родовом селении Царазоновых в с. Нузал. Исследовательница не сомневается в том, что перестройка склепа в часовню «была произведена его внуком Давидом, сыном Лаши... Не лишено вероятности, что останки Давида-Сослана при перестройке западза в часовню могли быть положены, по христианскому грузинскому обычаю, под ее полом. До этого же, вероятно, если этот западз принадлежал именно Давиду-Сослану, тело его должно было покоиться, по осетинскому древнему обычаю, не покрытым землей» [2, 21]. Вслед за преобразованием фамильного склепа в часовню в ней появилась фресковая роспись внутренних стен и надпись «Нас было девять братьев...» Имя автора надписи история не сохранила. Вопреки мнению Пчелиной, художником, выполнившим надписи, мог быть и не грузин. Как предполагает В. А. Кузнецов, им мог быть Вола Тлиаг — выходец из тех краев, но обучавшийся в Грузии [5, 137].

Проанализировав литературу, источники и фольклорный материал по поводу Нузальской часовни и проведя тщательное исследование самого памятника, Пчелина в 1941 г. выступила с обстоятельным докладом в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте. Она высказала предположение, что могильник принадлежит Давиду-Сослану, погибшему в 1207 г., обосновав свое мнение рядом убедительных доказательств. Предположения Пчелиной имели основание. Поскольку Сослан был отпрыском рода Царазоновых (а им принадлежал склеп в Нузале), то, естественно, он должен был быть похоронен

там: по осетинской традиции, умерший на чужбине непременно должен покоиться на родовом кладбище. В одном из своих писем к В. А. Кузнецову Пчелина, ссылаясь на старожилов, восстанавливает события, которые могли случиться в начале XII в. Давид-Сослан был смертельно ранен при осаде Карса в 1207 г. По осетинской легенде, его, умирающего, повезли в Нузал. Но он испускает дух около Никози на Большой Лиахве, и его тело перевозят через перевал Джедо, Зругское ущелье, Нарское ущелье, Зарамаг и погребают в Нузальском склепе, переделанном позже в часовню [2, 298].

Однако для окончательного выяснения вопроса необходимо было вскрыть пол часовни. Из-за начавшейся войны работа эта была проведена 2 июня 1946 г. По воспоминаниям З. Н. Ванеева, «Пчелиной был вскрыт пол часовни и при снятии земли ниже пола на 25 см был обнаружен край плиты гробницы, а затем под плитами прекрасно выточенный каменный гроб. Работы были приостановлены. На место прибыли ответственные работники СО АССР, научные сотрудники Северо-Осетинского научно-исследовательского института и музея краеведения, и в их присутствии гробница была вскрыта. На дне каменного ящика оказался хорошо сохранившийся скелет мужчины лет 35, высокого роста, мощного телосложения. Хорошо сохранился череп с прекрасными белыми зубами. Правая рука скелета покоилась на короткой сабле. Скелет был перевезен в г. Орджоникидзе для научного изучения и закрепления костей» [6, 321-322].

Вскрытие гробницы Нузальской часовни вызвало большой интерес в научных кругах, особенно в Грузии. В своем выступлении на страницах республиканской газеты «Заря Востока» вице-президент АН ГССР, акад. С. Н. Джанашиа не допускает даже мысли о захоронении Давида-Сослана в Нузале, считая его принадлежащим к боковой ветви грузинской царской династии Багратиони. Отрицая захоронение в Нузале Давида-Сослана, С. Джанашиа приводит еще один довод: бедность погребального инвентаря [7].

Пчелина была одной из первых, кто отреагировал на высказывания относительно родства Давида-Сослана с царствующим домом Багратиони. Ею установлено, что впервые подобная фальсификация имела место в XIII в., во времена правления внука Давида-Сослана, сына Лаши — Давида, царствовавшего в Грузии в 1247-1269 гг. При этом, якобы для подтверждения своего права называться Багратидом, Давид вычеканил монету с обозначением своего династического имени: «Давид Багратид». Пчелина констатирует, что, кроме официальной версии грузинской летописи и «Истории» Вахушти, нигде не утверждается о принадлежности Давида-Сослана к роду Багратидов. Она цитирует современника Тamarы и Давида-Сослана — Чахрухадзе, который называет Сослана не Багратидом, а потомком древнеосетинских царей, происходивших из рода «Ефремова» [2, 20]. Утверждение о принадлежности Давида-Сослана к Багратидам было ею решительно отвергнуто как искажение исторической истины. Вслед за Пчелиной это доказали Ю.С. Гаглойти и еще более аргументированно — Г.Д. Тогошвили в книге «Сослан-Давид».

Таким образом, при исследовании Нузальской часовни Пчелиной удалось осветить вопросы, касающиеся малоизученных страниц средневековой истории осетин: факторы появления фамильного склепа, обстоятельства, по которым склеп был преобразован в часовню. Ее предположение осталось в силе, хотя могилы Давида-Сослана и царицы Тamarы не обнаружены и по настоящее время. В целом же, монография Е.Г. Пчелиной о Нузальской часовне — образец труда, выполненного на стыке смежных наук. Помимо произведенных ею археологических раскопок, исследователем задействованы данные истории, этнографии, фольклора и лингвистики.

Второй знаковый памятник, исследованный Пчелиной в Алагирском ущелье, — знаменитое святилище Реком в Цейском ущелье. До Пчелиной святилище посещали В. Пфаф, В. Миллер и другие ученые. Однако, как и в случае с Нузальской часовней,

именно Пчелина проводит его обстоятельное изучение. Из бесед со старожилками, в частности с жителем с. Цей Харитоновым Басиевым, Евгения Георгиевна узнает легенду о Рекоме, представлявшую интерес. По рассказам, Реком — живое существо, он подобен некоему крылатому змею, которому нет аналога в сонме осетинских богов. Он прилетает и садится в глубине ущелья.

В 1963 г. в Ученых записках Северо-Осетинского пединститута вышла статья А.Х. Магометова о Рекоме, в которой автор выводит этимологию названия святилища от грузинского *реква* — «звонить». В письме к В. А. Кузнецову Е. Г. Пчелина, критикуя Магометова, предлагает свое видение происхождения названия святилища: «Название Рекома происходит не от неизвестного грузинского слова (по-грузински колокол «зари») ... колокольчик по-грузински «самрекло». Как мне говорили жрецы Рекома, название это от ИРЕКОМ — «ущелье Иров», в котором «и» — утрачено. В.И. Абаев, с которым об этом говорила, производит его от грузинского названия святилища — «ркони», но ведь Реком это главное святилище иров, зачем осетинам неизвестное грузинское святилище?» И далее: «Храм Реком, видимо, XII в., и действительно связан с Давидом-Сосланом — Тamarой. Там двери XII в. — аналогии им в Раче». Далее, возвращаясь вновь к статье Магометова, Пчелина пишет: «Все остальное о центре церковной жизни в Рекоме неверно, также неверно, что там, в Рекоме, Нузале и в Сидане, у Царазонов были монастыри — их в Осетии в древности не было» [2, 311].

В 1936 г. Пчелина была определена руководителем реставрационных работ в Рекоме. Работа, в которой участвовали С. Куссаева и Т. Тургиев, была проведена большая, собран уникальный материал о древнем предназначении и содержании Рекома. К великому сожалению, прошло уже 80 лет, и этот материал, увезенный исследовательницей в Санкт-Петербург, до сих пор не обработан, лежит и портится в мешках в архивах. После ухода Евгении Георгиевны из жизни дирекция СОИГСИ

неоднократно пыталась приобрести и обработать богатейшие архивы Пчелиной, но безрезультатно: в постсоветское время на товарно-денежные сделки переходят и некоторые архивные учреждения.

Евгения Георгиевна внесла большой вклад в изучение этногенеза и этнической истории осетин. Уже в первой своей работе «Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хуссар (Южная Осетия)» она кратко излагает свое видение проблемы происхождения осетин, которое соответствует уровню кавказоведения 30-х гг. Пчелина, хотя и не оспаривает мнений В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского об иранизме (т.е. арийстве) осетин, но не подвергает критике и яфетическую теорию Н.Я. Марра, исходя из которой осетины — в основе своей яфетиды, но арианизированные [2, 209]. В целом в вопросах этногенеза Евгения Георгиевна придерживается верного, на наш взгляд, направления. Как она писала, предки осетин на северных склонах Главного Кавказского хребта жили так давно, «как только могла запомнить человеческая история о человеке. И хотя выдвинутая сейчас теория о происхождении иронцев от яфетидов не общепринята, но непоколебимым надо считать факт древности иронской группы, живущей вблизи гор и имеющей свою особую историю, отдельную от истории долинных народов... Хроники соседних народов помнят иронов «осов» с давних времен... в тех именно местах, где они живут и теперь» [2, 211].

В небольшой по объему статье она пишет о грузинском царе Георгии XI и колоколах, подаренных им осетинским святыням Реком и Дзивгис. Ценность статьи видится в том, что в ней заострено внимание на участии осетинских родовых и общешельских военных объединенных дружин в борьбе Грузии с Персией, сведения о которой в исторической литературе отсутствовали.

Свои предположения о местонахождении «яского славного города Деякова» до Е.Г. Пчелиной выразили многие ученые. Одни помещали его вблизи Дербента (Карамзин), другие — в далекой Молдавии

(Щербатов), третьи — в районе Эльхотовских ворот (Сафаргалиев, Скитский, Крупнов, Кузнецов). Хотя последнее мнение имеет больше сторонников, тем не менее, предложенное Пчелиной (со ссылкой на русские летописи и литературные источники) месторасположение Деякова вблизи Дарьяльского ущелья в бассейне р. Сунжи, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Интерес к истории алан, их письменному наследию побудил Пчелину несколько раз посетить бассейн р. Большой Зеленчук. Свою первую поездку вместе со студентами исторического факультета она совершила в 1946 г. К сожалению, поиски надгробного памятника с аланской надписью греческой графикой не увенчались успехом. Тему Зеленчукской надписи ученый затрагивает и в статье о греко-славянских эпиграфических памятниках на Северном Кавказе.

Но особенно выразительны этнографические работы Евгении Георгиевны об осетинах. Каждый из ее трудов смело можно назвать шедевром: их характеризует полнота сведений по рассматриваемым вопросам, безупречность и надежность, необычайная скупость.

Наиболее известны ее этнографические работы «Обычай гостеприимства у осетин», «Родильные обычаи у осетин» и «Крепость Зылды масыг», опубликованные на страницах ведущего этнографического издания — журнала «Советская этнография»; «Осетинская мельница «Къада куйрой»» — в «Известиях СОИИИ». В Ученых записках Института этнических и национальных культур народов Востока был напечатан труд Е.Г. Пчелиной «Дом и усадьба нагорной полосы Южной Осетии». Все эти исследования широко известны в научных кругах и до сих пор не потеряли своей актуальности в контексте этнографического осетиноведения.

Хотелось бы более подробно остановиться на одной рукописной работе, посвященной родословному древу осетинского народа, хранящейся в Научном архиве СОИГСИ. В 1948 г., по заданию Северо-Осетинского научно-исследовательского института, Е.Г. Пчелина написала работу

объемом 5,2 а.л. под названием «Местность Уаллагир и шесть колен рода Ос-Багатара» [8]. Непонятно, почему она до сих пор осталась неопубликованной. На наш взгляд, эта рукопись — одна из лучших работ среди вышедших из-под пера Евгении Георгиевны. Она весьма содержательна, образцова, написана с широким использованием как фольклорных, так и археолого-этнографических материалов, в большинстве своем собранных автором в исследуемом регионе.

Материал для работы собирался Пчелиной в ходе многочисленных научных экспедиций, продолжавшихся четверть века (1924–1948), в результате которых она буквально исколесила весь регион, главные и многочисленные боковые ущелья Уаллагира — от входа в ущелье в местечке Ныхас до крайних южных поселений рода Царазоновых — Зарамаг. Пчелина изучала места поселений отдельных фамилий, фамильную собственность (крепости, башни, замки, святилища, могильники). Она глубоко проникла в изучаемую проблему и ярко высветила древнюю историю ущелья. Исследовательница не обходила вниманием и фольклорный материал (легенды, предания), значимого для бесписьменного в прошлом осетинского народа. Передвигаясь из одной местности в другую, профессиональный археолог и этнограф по призванию, она фиксировала все памятники старины, а порою производила и археологические раскопки. После столь тщательного обследования и изучения региона, когда уже был накоплен богатейший полевой материал, писать работу не составляло большого труда. Работа Пчелиной об Уаллагире и шести коленах рода Ос-Багатара — одна из лучших в археолого-этнографической литературе об осетинах.

Изложение начинается с фольклорных материалов, со сказаний об Уаллагире, роде Ос-Багатара и его потомках. В отдельных параграфах в подробностях описываются места жительства, фамильный круг, крепостные и культовые сооружения каждого из шести его колен. Исследуя социальные отношения, Пчелина приходит к важному выводу о том, что разложение патриар-

хально-родовых отношений и формирование феодальных пережили не только жители Тагаурского и Дигорского обществ, но и Алагирского.

За четверть века Пчелина исколесила все доступные перевальные (в том числе военно-торговые) пути и даже тропы, связывающие Алагирское ущелье с Южной Осетией, с соседними — Куртатинским, Дигорским, Трусовским ущельями, а внутри ущелий — с многочисленными их ответвлениями. В целом, в работе четко представлено сложное переплетение путей, лежащих как в Северной, так и в Южной Осетии: ткуда и куда ведут имеющиеся в регионе 15 перевалов с 18-ю перевальными маршрутами («а) Из Стырдыгорского ущелья по р. Харвес через перевал Гезафцаг в верховья р. Риони»; «и) Из Нарского ущелья от с. Нар по р. Гинат-дон через седловину горы Зикара (Зикарский перевал) в Кешельтское ущелье бассейна большой Лиавы, притока р. Куры»).

Высокую оценку рассматриваемому труду дал автор первых «Очерков истории осетинского народа», историк Б.В. Скитский. Он писал: «После этой работы Алагирское ущелье представляется не как застывшая общественная окаменелость, а как общество, имеющее свою историю, к тому же историю значительную в общей осетинской жизни. Это объясняет, между прочим, тот факт, что из Алагира вышел род крупных владельцев в другие ущелья, что из Алагира вышли те фамилии, которые подняли инициативу наступления сношений с Россией. Даже более, после этой работы вообще в начало исторического существования Осетии нужно будет ставить Алагирское, а не другие ущелья» [8, 1-3].

Чем же объясняется высокий уровень этнографических исследований Пчелиной? Как уже отмечалось, все известные ее работы являются результатом многолетних полевых этнографических наблюдений автора. Для примера: в течение восьми лет (1924–1931 гг.) Евгения Георгиевна прошла пешком либо на лошадях большинство перевалов, связывающих Северную и Южную Осетию; записывала фольклорно-этногра-

фический материал; проводила археологическую разведку местности, а местами и раскопки; изучала древние военно-торговые пути, соединявшие Северный Кавказ с Закавказьем. Успеху этнографических разысканий Е. Г. Пчелиной способствовало и то, что она прекрасно знала историю Осетии, жизнь и быт осетинского народа и, как свидетельствуют ее современники, неплохо освоила осетинский язык.

Что касается метода ее этнографической работы, то он может служить руководством для начинающего этнографа. Вот что писал археолог В. П. Любин, который наблюдал за нею в с. Фасраг Кударского ущелья (1949): «В течение двух дней Евгения Георгиевна собрала огромную информацию об истории этого селения, характере хозяйства ее жителей, особенностях жилых строений, местном святилище, покосах и пастбищах и пр. и пр. Наиболее ценные сведения доставили старые люди... Бимбол Зассеев оказался настоящим хранителем преданий по истории селения и рода Зассеевых... нарисовал подлинное родословное древо своей фамилии... На этом древе, начиная от родоначальника рода, носившего имя Зассе, насчитывалось более 15 поколений» [2, 9-10].

Пребывая в том или ином ущелье или селении, Пчелина изучала имеющиеся памятники материальной культуры настолько подробно, что по каждому из них могла дать научную справку. Когда Евгения Георгиевна узнает, что В. А. Кузнецов собирается писать книгу о христианстве алан, она сообщает ему в письме об одном отдаленном уголке Наро-Мамисонской котловины: «Там есть очень интересное место Гуркумта... (*Гуыркъуымтæ*. —Л. Ч.) Исключительная вековечная труппа. Это по ущелью реки Лиадон, притоку Нардона, одного из истоков Ардона. Там есть святилище Хохы дзуар, оно же Тиербат, стоит на склоне горы Тепли (4428 м н. у. м.), на обратном склоне которого лежит Архон. Там же... жилые пещеры и, как говорят, кладбище с плитами, на которых надписи греческими буквами. Я их не видела, но говорят об этом упорно. Думаю, что это могут быть

не греческие буквы, а грузинский шрифт асамтавури, которым писали в XII в. Этот шрифт в Нузальской часовне, или же хуцури — церковное письмо. Оба алфавита имеют корни в греческой азбуке» [2, 308].

Пчелина настолько подробно изучила христианские памятники Наро-Мамисона, что эти познания помогли ей определить время заселения котловины: «Осетины в Наро-Мамисоне, — пишет она, — поселились довольно поздно, это я выяснила по истории заселявшихся в эти места осетинских родов... Христианских храмов в Туалта немного. В Юго-Осетии они есть только в Кударском районе, в Сохта, а восточнее Джавы в районе Б. Лиавхи... нет. В Трусовском ущелье они есть, в обоих случаях это грузинское влияние. Но Наро-Мамисон, где несколько часовен очень древних не грузинского происхождения. Видимо, это раннее проникновение византийского влияния... А плиты с надписями в святилище Дзлеси в с. Калак около Мамисонского перевала написаны пока еще нечитаемыми буквами агванского письма — прообраз грузинского хуцури; такая же надпись на башне в сел. Ход. Все это сложный переплет...» [2, 304-305]

Находясь в этнографических экспедициях в этой котловине, я не раз слышал от информаторов, будто в Туалгоме раньше жили греки; видимо, поводом для таких суждений служили встречавшиеся на святилищах и башнях непонятные надписи, появление которых может быть объяснено как следствие византийского влияния.

Описание изучаемого явления или объекта исследования у Пчелиной, как правило, сопровождается осетинской терминологией. Ее этнографические работы написаны на русском языке, но с явным присутствием осетинского колорита. К примеру, в статье «Обряд гостеприимства у осетин» автор исследует не весь обряд в целом, а лишь часть его — прием почетного гостя, но делает это предельно подробно: «Если гостя предполагают угощать мясом, т.е. делать *Kusart* (кусарт), то вслед за разведением огня в очаге *Khona* (кона), на надочажную цепь — *Raxis* (рахыс) вешается

котел *ag* (ar), медный *arxiuag* (архуыаг) или же чугунный *cuainag* (цуайнаг), вообще же висящий на цепи котел называется *Ulartag* (улартаг)» [2, 75].

Так скрупулезно исследовательница изучала исследуемое этнографическое явление для того, чтобы уже не возникало необходимости повторного к нему обращения. В статье о погребальных комплексах из Сохта, Урсдзуар и Рук имеется следующее описание снаряжения коня, предназначенного для посвящения: «Конь, посвященный умершему, был богато убран. На него было надето богатое седло, но без кожаной подушки, на седле сбоку висели сабля, кинжал, пистолет и винтовка, позади седла к его луке привязывалась скатанная по-дорожному бурка, в которую была завернута новая черкеска с бешметом, шаровары и чуваки с ноговицами. Уши лошади повязывались ярким шелковым платком; иногда вместо платка на ее шею накручивали несколько аршин новой материи белого цвета. Под седло вместо войлочного подседельника подкладывалась сафьяновая кожа, достаточная для пошивки одной пары сапог. Все это также посвящалось умершему» [2, 285].

Таких обстоятельных характеристик в исследованиях Пчелиной множество. Все эти особенности (информативность, содержательность) работ Пчелиной объясняют, почему осетиноведы буквально разобрали их по цитатам.

Вопросам материальной культуры осетин как в прошлом, так и ныне уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание. В этой связи мы должны быть признательны Е. Г. Пчелиной, автору двух прекрасных работ, касающихся этих аспектов осетинской этнографии. Одна из них — «Дом и усадьба нагорной полосы Южной Осетии» [9]. В работе дан глубокий анализ причин возникновения и характера поселений высокогорной и горной полосы Южной Осетии. Переходя к жилым и хозяйственным постройкам, автор, с присущей ей основательностью, описывает материал и строительную технику каменных и деревянных домов, вводит в научный оборот термины, связанные с их строительством.

Типы жилых строений, их внутренняя обстановка, деление на мужскую и женскую половины, а также хозяйственные функции, обряды и верования, связанные с жилым домом, с очагом — его святыней — охарактеризованы Пчелиной интересно и обстоятельно.

В другой работе — «Осетинская мельница «Къада-куырой»» [10] читатель знакомится не только с детальным описанием устройства осетинской мельницы в горах, но и с продуктами, предназначенными для обмолота, — зерновыми злаками, растущими в горной полосе Осетии.

Бесспорно, что особая ценность работ Пчелиной заключается в их комплексности, основанной на широкой эрудиции исследовательницы в вопросах археологии, древней и средневековой истории осетинского народа и его материальной и духовной культуры, фольклора, особенно в героического эпоса. Обнаруженные в горной Осетии археологические шедевры давали ей возможность для выявления историко-этнографических параллелей, реконструкции картины постепенного заселения горной Осетии аланами начиная с VI-VII вв., возникновения алано-осетинской социальной структуры — от сельского общества до ущельских союзов. Анализ археологических артефактов из могильников горной Осетии позволил Пчелиной провести интересные сравнительно-исторические параллели с обычаями, обрядами, верованиями осетин. В частности в связи с обнаружением сасанидского серебряного кубка VII в. в Урсдонском ущелье Евгения Георгиевна делает широкие исторические экскурсы, отвечая на вопрос: каким образом сасанидский кубок мог попасть в горы Осетии.

Пчелина раньше других ученых осознала необходимость использования разнообразных источников для максимального приближения к искомой исторической истине. Производя археологические работы в с. Урсдзуар (ущелье р. Б. Лиакхва), она извлекла из погребения бронзовый предмет — поясную пряжку прямоугольной формы, которую назвала «Всадник».

На пряжке изображен конник в профиль, повернутый вправо. На голове у него шлем, на ногах шаровары и сапоги, в руках уздечка. Тело коня представляет двойную спираль. На крупе лошади сидит птица, повернутая головой влево. И что еще интересно: под мордой лошади — круг-спираль. На пряжке высокохудожественно отображена спешка, боязнь опоздать к открытым дверям в загробный мир.

В рассмотренном сюжете «Всадника» Пчелина «прочитала» древнее представление осетин о путешествии души погребенного в Страну мертвых в сопровождении птицы-ласточки — нартовской — и Солнца мертвых, освещающего путь. Сюжет изображения на пряжке исследовательница связывает с представлениями осетин о загробном мире, с обрядом посвящения коня [11].

Еще до начала XX в. осетины при похоронах перед носилками катили круглый плоский хлеб диаметром до полуметра (на пряжке — круглая спираль под мордой лошади). Хлеб этот носил название *Соти* и символизировал Солнце мертвых (*Мæрдты хур*). Пчелина подкрепляет приведенные аналогии сюжетом из нартовского сказания *Æнæном*. Узнав о выходе сына из Страны мертвых, Сатана стала его догонять. Сын же на своем коне спешил, чтобы успеть в Страну мертвых до захода солнца. Только успел он въехать в ворота подземного царства, как солнце село, и ворота закрылись. Подбежавшая к воротам Сатана взмолилась богу с просьбой дать ей возможность взглянуть на сына, на которого не нагляделась при жизни. Когда сын, увидев мать, потянулся к ней, «задрожало солнце от жалости к ним, и появились его отблески на белых вершинах гор — поднялось солнце мертвых, Мæрдты хур» [2, 285]. Подобных фольклорных отсылок в ее археологических работах немало.

В.И. Абаев считает, что бляхи, извлеченные Е.Г. Пчелиной из могильников Сохта I-IV вв., изображающие драконовидного оленя со знаками солнца на груди и на крупе, с собаководком или быком над спиной, с птицами, «отражают космогони-

ческие представления осетин об Артаузе, мифическом существе, прогневавшем бога и в наказание прикованном к Луне» [11, 70-71]. Сравнительное изучение этих предметов из могильников позволило ученому вспомнить народные представления осетин о чудовищах, поглотителях Солнца и Луны — *Хурхортаæ* и *Мæйхортаæ*, которые иногда принимали вид птиц, иногда вид волков [2, 284].

Несомненно, велика заслуга Пчелиной и в том, что она первая положила начало изучению нартовского эпоса в историческом аспекте и его отражения в археологических находках. «Осетинский исторический эпос — повествования, обросшие сказочными напластованиями, в некоторой своей части дают возможность частично восстановить картины общественной жизни в прошлом <...> А когда эти песни дополняют и иллюстрируют археологические данные, то они дают основание для некоторых исторических выводов», — писала Евгения Георгиевна [2, 229]. Как верно отметил В.А. Кузнецов, «Е.Г. Пчелина была первым археологом, попытавшимся связать такие археологические артефакты, как бронзовые фигурки конца VI-VII вв. из Рекома и Сохта, с персонажами осетинского нартовского эпоса. Тем самым именно Е.Г. Пчелиной было положено начало комплексному изучению эпоса и его отражению в обширных археологических материалах, точнее говоря — проблеме историзма нартовского эпоса» [2, 7]. Свои представления о взаимосвязи археологии и осетинской Нартиады она изложила в отдельной статье «Нартовский богатырский эпос в памятниках осетинских могильников» [12].

Опираясь на всю совокупность археологических, этнографических и фольклорных источников, Пчелина стремилась раскрыть особенности материальной и духовной культуры осетинского народа не только периода средневековья, но и более ранних эпох. Наметки таких увязок можно найти в ее статьях об охотничьих обрядах, о религиозных представлениях и мифологических сюжетах на бронзовых ажурных пряжках.

В устном народном творчестве осетин конь св. Уастырджи порою изображается с тремя ногами. На природу этого явления первым обратила внимание Евгения Георгиевна. Подтолкнул ее к этому случай: в земляном полу прируба Рекома она обнаружила медную литую фигуру — изображение коня, которому задние ноги заменил толстый спирально закрученный хвост. В осетинских нартовских сказаниях нередко конь представляется с передними ногами, а сзади, как и в обнаруженной находке, вместо ног — рыбий или змеиный хвост [2, 251-252]. Между тем, среди раскопок Сохтинского могильника Пчелиной была обнаружена фибула в виде крылатого рыбьехвостного коня. Исследовательница считает его осетинским вариантом одного из широко распространенных сказочных образов [2, 254]. Она пишет, что «сохтинская фибула крылатого коня, наличие такого же коня в нартовском эпосе дают возможность судить о сущности трехногого (*æртæкъахыг*) божественного коня осетин, о его связи со стихиями, с небом — огнем — солнцем (крылья), с землей (его конская сущность) и с водой (рыбий хвост), о глубокой древности этого образа, восходящего к тем временам, когда человеческое мышление воспринимало мироздание в виде трех сфер (небо — земля — море)» [2, 253].

Акцент на осетиноведении в исследованиях Пчелиной вовсе не означает, что в своих трудах она не выходила за границы Осетии. Евгения Георгиевна была ученым-кавказоведом в самом широком смысле слова, «кавказоведом от Бога», как образно выразился Любин. География ее археологических экспедиций довольно широка: Московская и Владимирская губернии, Грузия, Азербайджан, Курдистан, Армения, Нагорный Карабах, Узбекистан. Перу Пчелиной принадлежат работы: «Армянские памятники в Азербайджанской ССР», «Буддийский монастырь в Кара-Тепе», «Путевые заметки по Курдистану», «Археологическая разведка в районе Триалетского хребта». Наряду с археологической картой Южной Осетии ею разработана археологическая

карта Среднего Урала. Исследовательница размышляла над историческими взаимоотношениями древней Руси и Кавказа.

Об эрудиции и глубоких научных познаниях Пчелиной в истории средневекового Кавказа, о том, как грамотно она сопоставляла данные археологии и истории, свидетельствует ответ на письмо В. А. Кузнецова, который информировал ее о своих раскопках на Северном Кавказе: «В отношении водной артерии Маныч-Кума. Между низовьями Дона и побережьем северного Каспия существовал водный путь <...> Я как раз заканчиваю статью по этому вопросу <...> Преградненский крест лежит во дворе Ставропольского музея в разбитом виде. Памятник этот исключительного значения; я статьей хочу обратить внимание общественности на его судьбу. Как попала это надпись на Большой Егорлык; по-моему, как результат похода русов. Они были не только в 913 и 914 гг., но и раньше, и позже <...>. Видимо, здесь проходило много народа, притом разноплеменные. Это древний пучок путей с перекрестком на Маныче — Волга — Дон — хазарского города Саркел, путь по манычской впадине до Буйвоны на Куме и алано-хазарского города Беленджера (Маджар) и далее по Каспийскому морю к такому же городу Семендеру (Тарки) и от Беленджера к Итилю на Волге. Этот круговой путь существовал многие столетия до падения хазар, и после него — по этому пути в конце XVIII века были проложены российские тракты, пересекающие северокавказскую низменность во всех направлениях. К Егорлыку шел путь и с «Аланской державы» на Зеленчуках, Кефаре, Бешгоне, верховьях Кубани и Теберды — и из Тмутаракани через Ставропольскую возвышенность к истокам Большого Егорлыка. Там надо вести большие археологические работы. В золотоордынский период в старых алано-хазарских поселениях и городах на этом пути, безусловно, продолжали свою жизнь временно разрушенные транзитные пункты. В летописном рассказе 1319 г. о том, как везли тело Михаила Тверского из Деякова, упоминаются Маджары, а затем, видимо, путь и тогда шел по Маныч-Кум-

ской впадине и далее водой в Москву. Татары покровительствовали ремеслам и торговле, армяне, русские жили в городах, — об этом имеются исторические свидетельства. Так что материалы Вашей катакомбы № 25 вполне исторически объяснимы. Все это очень интересно. А дата Преграденского креста 1041 соответствует времени княжения Ярослава Мудрого, при котором совершались походы не только на Восток, но и на Западе завязывались дипломатические сношения...» [2, 300-301]

Евгения Георгиевна Пчелина не принадлежала к числу ученых, которые ногой открывают двери издательства. «Печатать же очень трудно что-либо, будучи заштатной», — сетовала она в письме к коллеге. В научном архиве СОИГСИ сохранился список ее трудов на пяти страницах, составленный в 1961 г. Обращает на себя внимание следующее: опубликованных трудов — 30 названий (из них 4 статьи в газетах); работы, сданные в печать и готовившиеся к печати, — 9, предполагавшиеся к печати — 13 названий. В итоге львиная доля ее изысканий (в том числе и монографии) не увидела свет при жизни автора. Пчелина с увлечением работала над большой монографией под броским названием — *Ossetica* (не путать с изданным ею одноименным библиографическим указателем). В нее Евгения Георгиевна планировала включить статьи, опубликованные в «Советской этнографии», а также и другие работы, частью опубликованные, частью оставшиеся в рукописи, частью нуждавшиеся в доработке. К сожалению, задумке исследовательницы не дал возможности осуществиться ее преждевременный уход из жизни.

Заметим, что благодаря инициативе Т.В. Абаева (автор проекта), полномочного представителя РСО-А в Северо-Кавказском и Южном Федеральном округах, при активной поддержке В.А. Кузнецова (научный редактор), в 2013 г. во Владикавказе под тем же названием «*Ossetica*», но с добавлением «Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа» вышла в свет прекрасно оформленная книга Е.Г. Пчелиной. Дан-

ный благородный почин инициаторов всех готовивших к изданию материалов исследовательницы заслуживает признательности. Но, к сожалению, вынуждены указать на одно упущение. Вместо уже опубликованных статей Евгении Георгиевны, которые и так известны ученому миру, в книгу следовало бы включить, на наш взгляд, уже подготовленные к печати рукописи: «Местность Уаллагир и шесть колен рода Ос-Багатара»; «Охотничьи обычаи осетин по археологическим, этнографическим и мифологическим источникам»; ««Страна мертвых» осетин»; «Места расселения северокавказских алан, асов-ясов и осов»; «Родовые группы и их ответвления у осетин. Расселения осетин по ущельям Северной и Южной Осетии» и др.

Одним словом, в изучении и обнародовании научного наследия Евгении Георгиевны сделан лишь первый шаг. Но наследие это нуждается в более тщательном изучении. Хочется верить, что в ближайшие годы архивы Пчелиной будут приобретены, обработаны и изданы, тогда бы ее обширное научное наследие существенно обогатило бы наши познания о средневековой истории как осетин, так и всего Кавказа.

Осетинская общественность должна быть благодарна Е.Г. Пчелиной за то, что она пополнила коллекции национальных музеев Севера и Юга Осетии многочисленными предметами из археологических раскопок, уникальными артефактами материальной и духовной культуры осетин, собранными ею во время многочисленных экспедиционных поездок по Осетии.

Разумеется, высокая оценка научного уровня трудов Е.Г. Пчелиной не означает, что все высказанные ею в исследованиях и в письмах положения исторически достоверны. Порой исследовательница выказывала полное доверие легендам и преданиям, а утверждения о существующих параллелях между археологическими находками и культурой и бытом осетин нуждаются, по нашему мнению, в дополнительной аргументации. К примеру, доверяя преданиям об иноземном происхождении дигорских феодалов, она заблуждается, полагая, будто

изначально только иронцы были ираноязычными; сомнительны также греческие корни фамилии Бигулата; относительно сармат еще допустимо понятие собирательное (они состояли из нескольких племен), тогда как аланы, будучи одним из сарматских племен, никогда не были собирательным понятием в этническом смысле.

Помимо высокого профессионализма Евгению Георгиевну характеризовали замечательные человеческие качества, особенно доброта души. Она первая, заметив пытливого молодого человека, оказала ему содействие в устройстве в аспирантуру Эрмитажа, тем самым подарив науке выдающегося археолога В. П. Любина, благодаря

трудам которого Кударские палеолитические пещеры получили мировую известность. Это Пчелиной (наряду с Крупновым и Абаевым) В. А. Кузнецов обязан своему становлению в качестве археолога-кавказоведа, ставшего впоследствии известным алановедом. От писем Евгении Георгиевны к младшим осетинским коллегам (Т. Б. Тургиеву, В. Х. Тменову, Р. Г. Дзаттиаты) веет теплотой и надеждой на их большие научные достижения.

Своими замечательными трудами по археологии, этнографии и истории Евгения Георгиевна Пчелина навсегда вписала свое имя в летопись истории осетинского народа и народов Кавказа.

-
1. Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.
 2. Пчелина Е. Г. Ossetica. Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013.
 3. Джанашивили М. Г. Известия грузинских летописей о Северном Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XXII. Отд. 1.
 4. Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. Тифлис, 1887. Ч. 1.
 5. Осетинская этнографическая энциклопедия/Под ред. Л. А. Чибирова. Владикавказ, 2013.
 6. Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвал, 1989. Т. 1.
 7. Заря Востока. 21 июня 1946 г.
 8. Пчелина Е. Г. Местность Уаллагир и шесть колен рода Ос-Багатара // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21.
 9. Пчелина Е. Г. Дом и усадьба нагорной полосы Южной Осетии // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. II.
 10. Пчелина Е. Г. Осетинская мельница *Къада куырой* // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV (история).
 11. Абаев В. И. Из осетинского эпоса. М.-Л., 1939.
 12. Пчелина Е. Г. Нартовский (богатырский) эпос в памятниках Северо-Осетинских могильников (резюме доклада) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1945. Вып. III.